

«Я любил землю...»

Андрей Петров

Ушел из жизни прославленный латышский поэт и сказочник Имант Зиедонис, закончив свой трансцендентальный «бег по лесам» 27 февраля 2013 года

«Если прислонить ухо к сосновому стволу, то можно услышать токи его жизни. А можно и не услышать. Ветви дерева еще покрыты зелеными иглами, а оно уже умирает. Время его сочтено. Меня научил этому известный латышский поэт Имант Зиедонис, человек во многом необычный, наделенный особым пониманием, вернее даже, чувствованием природы. Это такой же дар, талант, как музыкальный слух или умение писать стихи, владеть кистью художника».

Капитолина Кожевникова, Балтимор

Альманах не может соперничать в оперативности с ежедневными изданиями и электронными СМИ. Эти строки пишутся, когда со дня похорон Иманта Зиедониса прошло больше месяца. Соболезнования родным и близким уже принесены, в том числе и первыми лицами страны. Президент Андрис Берзиньш назвал Зиедониса ярким мастером слова и хранителем латышской самобытности. «С нами всегда останется поэзия Зиедониса, его «Эпифании» и латышская проза», — отметил президент. Премьер-министр Валдис Домбровскис подчеркнул, что поэт был выдающимся латышом, мыслителем, выразителем чаяний народа на протяжении нескольких поколений.

6 марта тысячи людей прощались с поэтом в Домском соборе, где позже провел

поминальную службу пастор Евангелическо-лютеранской церкви Латвии Юрис Рубенис. В этот же день Имант Зиедонис был похоронен на кладбище в родном Рагациемсе (сейчас это Энгурский край).

Бег по лепесткам

Как-то Зиедонис сравнил творчество с цветком, в сердцевине которого скрыты тайны бытия. А сочинение стихов по этой аллегории — бег по лепесткам. Поэт то приближается совсем близко к божественному центру, рискуя остаться в нем, то удаляется от него. Почему — рискуя? Да потому, что попав туда, он перестанет быть поэтом и станет, в лучшем случае, философом. А стихи погибнут. Потому что стихи не подчиняются никакому центру. Стихи — это свобода.

Зиедонис всегда подчеркивал стихийное начало поэзии. Но право на этот высокий беспорядок и творческий хаос нужно еще заслужить кропотливой работой по постижению основ: «Чтобы писать хорошие стихи, ты должен понять, что такое порядок. Это не относится к самим стихам, это относится к грунтовке стиха. Это — как картина. Чтобы написать хорошую картину — абстрактную, постмодернистскую — ты должен знать, что такое классический порядок. Это твоя грунтовка. Это рама. Должно быть чувство рамы. Когда ты это уже освоил, тогда ты можешь выходить из рамы, не боясь, что потеряешься. Порядок — это коренной канон, который ты должен освоить. А потом большое наслаждение — пересекать эти границы...».

Путь наверх

Имант Зиедонис родился в 1933 году в Рагациемсе (тогда это была Слокская волость) в семье рыбака. В этом рыбацком поселке он и рос. «Детство — это запах рыбы», — вспоминал о тех днях поэт. Как и все мальчишки, пропадал целыми днями на улице, успевая при этом помогать по хозяйству: «Моя семья меня научила работать. Это самое главное, что у меня осталось от детства. Для меня труд не был никогда мучительным, затруднительным. Это был такой радостный ритм». На надгробье могилы матери он написал: «Она любила работать и любила нас».

Среднюю школу Зиедонис закончил в Тукумсе. В 1959 году завершил обучение на историко-филологическом факультете Лат-

вийского государственного университета, в 1964-м — на Высших литературных курсах при Институте мировой литературы в Москве.

Но мечтал Зиедонис совсем о другом: «Я любил землю, поэтому хотел стать агрономом. Я видел, какие хутора были, был ими просто восхищен! И мне тоже хотелось жить в такой усадьбе, где я сам был бы хозяином. Хотел пойти учиться на государственное планирование. Но меня не приняли на экономический факультет — из-за высланного отца. По биографии мне не полагалось планировать советскую экономику. Пришлось стать поэтом». Профессиональным литератором Зиедонис становится в 1968 году, поработав до этого строительным рабочим, школьным учителем, библиотекарем.

Первый сборник стихов Иманта Зиедониса «Песок земли и мечты» («Zemes un sapņu smiltis») вышел в 1961 году. С этого момента постепенно, сборник за сборником, книга за книгой, Зиедонис становится одним из самых печатаемых авторов не только в Латвии, но и — в переводах (в основном на русский) — по всему СССР. А переводили его большие мастера слова: Леонид Черевичник, Юрий Коваль, Александр Кушнер, Юнна Мориц, Юрий Левитанский, Илья Фоняков... Всего на русский было переведено почти 700 стихотворений (для сравнения: на английский — около 250, на немецкий — около 160), несколько книг очерков: «Дневник поэта» («Dzejnieka dienasgrāmata»), «Курземите» («Kurzemite») и др.

Всесоюзную и европейскую известность ему приносят, конечно же, философско-поэтические миниатюры «Эпифании» («Epifānijas») и «Разноцветные сказки» («Krāsainas pasakas»). Кстати, «Сказки» были удостоены Почетного диплома Международного совета по детской и юношеской литературе при ЮНЕСКО. На русский язык они были переведены Юрием Ковалем. Поэт проявил себя и в кино: по его сценариям на Рижской киностудии были сняты два фильма: «Мальчуган» («Puika», 1977) и «Вей, ветерок!» («Pūt, vējiņi!», 1973).

Уход из номенклатуры

Зиедонис был человеком своего времени. Попав в обойму признанных советских литераторов, Имант Янович был отмечен высшими знаками официального признания: лауреат Государственной премии Латвийской

СССР (1967), Заслуженный деятель культуры (1972) и Народный поэт республики (1977), Кавалер ордена Дружбы народов (1983). Конечно, без членства в компартии (с 1962 года) обо всех этих званиях не могло быть и речи. Нельзя было обойтись и без идеологических реверансов — в очерковой прозе в основном. Зиедонис стал частью литературной номенклатуры, заняв пост второго секретаря Союза писателей Латвийской ССР. Но с этой должности поэт ушел — почти по-толстовски. «Я был вторым секретарем союза писателей. Мне это надоело...». Он попрощался только с секретаршей и просто ушел. Пешком...

Зиедониса искали, но не нашли. Когда он вернулся, его должность уже занимал другой человек. Никакого наказания не последовало, хотя были предложения применить какие-то санкции по партийной линии. Но не зря Зиедониса называли «баловнем судьбы»: некоторое время представители местной партийной знати при встречах лишь политкорректно спрашивали о его здоровье, а потом и вовсе оставили в покое «вольнодумца» и «умеренного хулигана». Ведь он же был «визитной карточкой Латвии» в СССР. По-прежнему продолжали выходить его книги на латышском языке (чему, конечно же, способствовала его работа поэтическим редактором в издательстве «Лиесма») и в русских переводах — как в Риге, так и в Москве. Например, в 1979 году в издательстве «Лиесма» на русском языке 60-тысячным тиражом вышли «Разноцветные сказки».

На эстраде

Некоторые историки литературы причисляют Иманта Зиедониса к шестидесятникам. Популярность Зиедониса в Латвии действительно была сравнима со всесоюзной славой знаменитых «детей оттепели» — Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной и других поэтов, собиравших стадионы. Зиедонис тоже не мог пожаловаться на отсутствие интереса со стороны читающей и внимающей аудитории. В 2004 году он так говорил об этом: «Меня воспитывала публика. Я как поэт воспитывался на публике. Смеялись, что я эстрадный поэт, потому что залы, когда я выступал, всегда были переполнены. И сейчас переполнены, если я вдруг осмеливаюсь выйти на сцену. Я всегда внимал языку аплодисментов».

Конечно, творчество Зиедониса всегда было отмечено местным колоритом: до самых последних дней он оставался «храните-

лем латышской самобытности», «носителем ярко выраженных национальных традиций», «золотоискателем на приисках латышской словесности». И при этом работал на все человечество: к примеру, на «Разноцветных сказках» воспитывалось не одно поколение советских, а потом и российских детей. Последнее издание «Сказок» («Рипол», Москва) отмечено 2011 годом, хотя после 1991 года Зиедонис на русском практически не издавался.

Неуловимый

Литературовед Янина Курсите отмечает, что Зиедонис был «ключевой фигурой для литераторов, для критиков и вообще для читателей, которые родились в 50-х — начале 60-х гг.». Впрочем, критикам, а также будущим исследователям своего творчества Зиедонис, шутя, посочувствовал: «Я все время хочу убежать. Не знаю почему, от кого и от чего. Но мне все время кажется, что меня кто-то хочет поймать за хвост. Это уловил только один из наших критиков, который говорил, что Зиедониса определить как нечто цельное невозможно. Он вырывается, как ящерица, оставляя хвост у тебя в руках и убегает. Если кто-то захочет написать обо мне монографию, у него в руках окажется множество хвостиков».

Поэты не любят рассказывать, как делаются стихи. Одним из немногих, кто допустил в свою «лабораторию» читателя, был Маяковский, которого Зиедонис переводил на латышский (как и Пушкина, Блока, Луговского...). В большинстве своем поэты или многозначительно молчат, или напускают такого туману... Зиедонис же откровенен, хотя откровения эти нередко опровергаются его же собственным творчеством (ящерица!): «Стихи не идут от социальных условий, от забот, от жизненного опыта. Они идут легко. Мой предпоследний сборничек называется «Легко». Эти стихи шли, писались легко. Они такие легкие... прекрасные. Так они воспринимались и читателем. Слушая их, люди улыбались, иногда смеялись, иногда плакали, но плакали легко...». Отметим, что сказано это было в 2004 году. И к этому времени, после «Легко» («Viegli», 1993), у Зиедониса вышли еще три книги стихов.

С песней по жизни

Позже название «Viegli» получил фонд Иманта Зиедониса, учрежденный в 2010 году

с целью реализации оригинальных проектов, направленных на популяризацию латышской поэзии и латышского языка. Воплощением одной из первых творческих идей фонда стал выпуск музыкального сборника «Viegli». Сборник объединил десять композиций на стихи Зиедониса, три из которых записал популярнейший Ренарс Кауперс («Prāta Vētra»).

В конце 2012 года вышел альбом композитора Карлиса Лациса «Ziedonis. Lācis. Sievietes» («Зиедонис. Лацис. Женщины»). Все вокальные партии этого альбома — женские. Тексты в музыкальных композициях Лациса — конечно же, лирика Иманта Зиедониса. Вообще, Зиедонис, наверное, самый музыкальный латвийский поэт: в данном случае речь идет не о «музыке стиха» (это отдельная тема), а о сотрудничестве с композиторами. Назовем самых известных: Раймонд Паулс, Имант Калныньш, Петерис Плакидис. Кроме того, Зиедонис перевел на латышский язык стихотворение молдавского поэта Григоре Виеру «Родной язык», которое стало неофициальным гимном Латвии времен Атмоды «Dzimtā valoda» (композитор — Айнарс Вирга).

Спасение дубов — дело рук... поэта

Еще одна сфера деятельности, в которой Имант Зиедонис немало преуспел, — природоохрательная. С 1976 по 1997 год он вместе со своими единомышленниками из «Древесной группы», среди которых были известные артисты, музыканты, ученые и простые граждане, совершал экспедиции по всей Латвии, расчищая заросшие рощи, берега озер и рек. Кроме того, он был основателем «Общества защиты дубов», которое освобождало от зарослей и мусора вековые деревья. Одним из продолжателей этой традиции стал Ренарс Кауперс, собравший вокруг себя новую команду «древесников», которые теперь колесят по Латвии с граблями и лопатами в руках. Нельзя не вспомнить и о конкурсе «Самый ухоженный латышский хутор» (помните юношескую мечту поэта о своей усадьбе?), который он придумал в соавторстве с Эриком Ханбергом и Айваром Беркисом. Конкурс этот проводился много лет и освещался телевидением.

С одной стороны, Зиедонис любил и тонко чувствовал дикую природу, с другой — трепетно относился к созданиям человеческих рук, старинным предметам хозяйственного обихода латышского крестьянства.

На дни рождения поэту дарили... мельничные жернова. Вспоминает Раймонд Паулс: «Имант Зиедонис — коллекционер. Он собирает мельничные жернова. Знаю об этом не понаслышке. Однажды я участвовал в поездке, организованной Комитетом защиты мира, по шести европейским странам. На пристань провожать нас явился Имант Зиедонис с мельничным жерновом, который он насадил на палку. И попросил отвезти его в Копенгаген латышу, который много лет живет вдали от Родины: увидев фильм о Советской Прибалтике, тот захотел иметь в своей коллекции мельничный жернов из родных мест».

В дебрях политики (вместо послесловия)

В одном из мартовских номеров газеты *Latvijas Avīze* можно было прочитать: «Русские СМИ игнорируют культурные ценности Латвии», «Латвия прощалась с выдающимся поэтом... однако не вся Латвия». Это из статьи Аниты Бормане, которая «вынуждена считаться» с тем, что «в Латвии живут люди неопределенных национальностей и культурных традиций». Прямой упрек автора адресован газете *Вести Сегодня*: «Газета про смерть Зиедониса написала пару сухих строк на третьей странице выпуска от 1 марта, а про прощание с поэтом, которое прошло в среду с участием тысяч людей в Домском соборе, не написала вообще». Далее следует вывод: «Не думаю, что этот выбор случаен — скорее, осознанное действие. И это не только попращание главных культурных ценностей Латвии, но и пренебрежительное отношение к своим же читателям — ведь не все русскоязычные поддерживают подобное отношение к культурным ценностям страны».

Не думаю, что «нехорошая» газета нуждается в моей защите, но обвинение, предъявленное русскому (чуть было не написал «последнему») изданию, показалось мне симптоматичным. И связано оно совсем не с культурой, а с политикой. Уточню — с национальной политикой. И если москвичей в свое время испортил квартирный вопрос, то рижан, несомненно, — национальный. Оказывается, Анита Бормане не знает, что в Латвии складывается двухобщинное государство. Оно пока еще не структурировано как таковое и не располагает всеми необходимыми институтами, но все процессы происходят на наших глазах — трудно их не увидеть. А поскольку такая общность как «латвийский

народ» благодаря успешной политике дезинтеграции никак не складывается, уместно говорить и о национально-культурных приоритетах.

Культура в данном случае становится заложницей политики. Как и ее носители.

В период распада СССР Имант Зиедонис стал активным политиком, а общественником он был всегда. В 1987 году возглавил Культурный фонд Латвии, в 1990 году стал депутатом Верховного совета ЛССР. Голосовал за Декларацию о восстановлении независимости Латвии. Зиедонис был награжден орденом Трех звезд второй степени и памятным знаком участника баррикад 1991 года. Был он и одним из тех, кто помог выйти на политическую (и даже историческую) арену будущей госпоже президенту Латвии Вайре Вике-Фрейберге.

Позже к политической деятельности он охладел, хотя с тех пор отношение русской общины страны к патриарху латышской литературы сложилось неоднозначное. Не из-за того, что выступал за независимость. А из-за ее «формата». И, наверное, из-за сожалений Зиедониса по поводу того, что приходится жить «в русской Латвии», из-за его стихов о безродных мигрантах (фрагмент одного из них приводится Анитой Бормане), где они сравниваются с листьями, опавшими неизвестно с какого дерева, и с птицами, которым все равно, где вить свои гнезда...

Древние говорили: *De mortuis aut bene, aut nihil* («О мертвых или хорошо, или ничего»). *Вести сегодня*, очевидно, выбрали вторую часть поговорки (с небольшим уточнением) — «почти ничего». Но эту оплошность (если это оплошность) довольно скоро можно исправить — 3 мая Латвия будет отмечать 80 лет со дня рождения Иманта Зиедониса.

При подготовке материала использованы фрагменты документального фильма эстонского режиссера российской выучки Алексея Шипулина «Имант Зиедонис. Солнечный ритм». Россия, 2004.

Из поэзии Иманта Зиедониса

Я хочу тебя

Я рад, что с тобою не нужно притворство,
Коварство, упрямство, утрюмство, упорство,
Твой склад нерасчетлив и весело скроен:
Когда ты глядишь на меня, я спокоен.

Когда ты глядишь на меня, я уверен,
Что путь мне далекий и трудный отмерен,
Что долг мой прижизненный не отработан,
Что поезд последний к перрону не подан.

Что поезд последний к перрону не подан,
Что жизнью еще я не сыт, не измотан,
Дорога трудна, и конца ей не видно.
Как хлеб твое тело желанно и сытно.

Как хлеб твое тело желанно и сытно.
И доля моя не легка, но завидна.
Как жизнь, ты влечешь меня горько и властно.
Земля, по которой ты ходишь, прекрасна.

Земля, по которой ты ходишь, прекрасна.
И вишня душиста, и роза атласна.
И ты, как пространство и вечность, желанна.
Как вечность, вольна, как пространство туманна.

Перевод Александра Кушнера

Из «Эпифаний»

«...Ничто в этом мире не дается нам сразу. Странно устроен мир. Подожди, говорят на каждом шагу, подожди, подожди. Жду постоянно и трудно. Жду, когда подойдет троллейбус. Жду, когда сварится картошка. Жду, когда попаду на небо. Но и тут мне говорят: не спеши, подожди, сперва свое проживи на свете.

Мир живет ожиданием. Мать ждет ребенка, девочка ждет любви, заслуженный ждет ордена, страждущий ждет избавленья. Подожди, потерпи немного. И когда ты терпишь, время останавливается — превращается в ожидание. Каждый отрезок времени становится таким праздным ленивцем. Он ждет следующего мгновенья, как бы пятясь назад, задом наперед.

Чтобы приблизиться, надо идти навстречу, а не ждать...».

Перевод Юрия Левитанского